



Председатель

веч. Москвы. - 1998. - 6 минут

Олег Басилашвили вывел новую формулу. Вместе с Пушкиным

На всех спектаклях «Золотой маски» можно увидеть в зрительном зале Олега Басилашвили. Сидит обычно где-нибудь с краю, далеко не в первых рядах, аплодирует очень активно и, наверное, искренне. *Noblesse oblige*, как говорят французы, ведь на «Золотой маске» он дебютировал в роли председателя жюри. О самочувствии Олега Басилашвили в этом новом амплу удалось поговорить на бегу между двумя спектаклями.

— Олег Валерьевич, на прошлогодней «Маске» все были поражены решением жюри, присудившим омскому спектаклю аж три премии. Логика жюри тогда понять никто не смог. Поэтому я хочу спросить у вас, каким, на ваш взгляд, по сегодняшнему «гамбургскому счету» должен быть этот лучший спектакль?

— На мой взгляд, этот спектакль или вообще это произведение искусства (балет, опера, актерская работа) должны обладать всеми теми качествами, которые позволяют мысли автора добраться до подсознания и сердца зрителя, исторгнув оттуда добрые чувства — жалость, радость, горе. То есть разбудить в нем человеческие качества. Или по крайней мере сделать попытку в этом направлении.

— Какой-нибудь спектакль из уже увиденных вами вы могли бы назвать потрясением, или все остается на среднем уровне?

— Я могу только сказать, что многое из того, что увидело не только жюри, но и публика, дает основание говорить о многообразии поисков и находок в том направлении, о каком я сейчас сказал.

— А что, если это разнообразие на самом деле означает абсолютно размытые критерии?

— Что значит «размытые критерии»? Давайте по истории вспомним о существовании таких разных театров в одно и то же время, как императорские театры, типа Александрийского в Петербурге или Малого в Москве. Рядом с ним был Московский художественный театр, исповедующий совершенно другую эстетику, взгляды на жизнь, даже политические и социальные устремления. Рядом с этим — Камерный

театр или Мейерхольд с его биомеханикой. Тоже нет критериев. А критерий может быть один — тот, о котором мы с вами говорили. Посредством всех этих разнообразных, подчас противоречащих друг другу по внешней форме спектаклей добраться до подсознания зрителя, до его сердца и разбудить в нем определенную эмоцию. Вот задача и прошлого, и настоящего и, видимо, будущего искусства. И во все времена это разнообразие можно называть размытостью критериев, а можно тем, что должно быть, а именно разнообразием.

— Вы можете согласиться с мыслью Пушкина о том, что художника нужно судить только по тем законам, которые он сам для себя создал.

— Я даже не могу поставить свою подпись под этой замечательной мыслью, потому что она уже поставлена. Хотя я полностью разделяю его мысль, как каждый здравомыслящий человек.

— А если вы лично не можете принять эти законы, хотя и видите, что художник в своем произведении был целен.

— То есть, если эстетика и направленность данного произведения искусства противоречит моему ощущению, но все это сделано по законам Пушкина — художник поставил перед собой цель и он ее добился? Нельзя судить только по профессионализму сделанного, нужно судить и по задаче, которую ставил перед собой художник. Конечно, тогда мое существо будет противостоять этой цели. Допустим, какая-то античеловеческая цель, и это сделано с блеском. Недаром у того же Пушкина: «Чувства до брыея лирой пробуждал». Это формула, по которой живет, ну по крайней мере российское искусство.

— Каким образом вы заняли председательское кресло: вас выбрали, назначили или просто пригласили?

— Меня спросили, смогу ли я быть в жюри. Я понимал, что это роль очень ответственная, но, кроме меня, в жюри еще 22 профессионала. Сейчас очень трудно представить себе общую театральную картину России, и поэтому я воспользовался этой возможностью влиться в состав жюри, чтобы представить себе ее. Но когда меня утвердили в роли председателя, я понял, что придется взять на себя большую часть этой ответственности. Все равно кто-то будет не доволен, но мы делаем все, чтобы наше решение опиралось только на те принципы, о которых мы с вами говорили выше.

— Вы принимали участие в отборе спектаклей?

— Нет, экспертная комиссия поставила нас перед фактом, мол, вот эти спектакли стоит смотреть.

— Вам когда-нибудь приходилось быть членом какого-нибудь жюри и решать судьбу своих коллег?

— Нет, никогда. Недавно вот получил премию нашего Санкт-Петербургского отделения СТД «Золотой софит» за роль царя Фив Креона в «Антигоне». Можно сказать, поучаствовал впервые, только как бы с другой стороны. Но я думаю, ни один я тут впервые — многие.

— Мы сейчас наблюдаем, как некоторые замечательные питерские актрисы играют в московских спектаклях и постепенно перебираются в Москву. Можно ли сказать, что ваше участие в антрепризе Козакова это попытка побольше участвовать в московской жизни, чтобы со временем, возможно, сюда переехать?

— Я всегда участвовал в московской жизни. Я родился в 34-м и до 56-го года жил в Москве, я москвич. А с 56-го, работая в Санкт-Петербурге, я буквально еженедельно ездил в Москву и работал, только не в антрепризах, а в кино. 99% моих фильмов снято в Москве. Сейчас есть возможность попробовать себя в разных коллективах на театральной сцене. Михаил Козаков — москвич, работает в Москве, поэтому, естественно, по месту его жительства и создавался спектакль. Что же касается переезда в Москву, то я об этом сейчас не думаю, главное работать — не важно где, в Москве ли, в Петербурге.

Москва сейчас на меня производит впечатление города, который начинает рядиться не в свои одежды, хотя одежды красивые. Все-таки Москва — это российская столица. Это Санкт-Петербург — окно в Европу, и он остается западно ориентированным городом. Москва же, стремясь походить на европейские столицы, начинает терять свою индивидуальность. Но Москва всегда была хлебосольной, разnochинной — это пироги, масленица, вербное воскресенье на Красной площади. А вот уже этаким буржуазно-чиновничий стиль приглож скорее Санкт-Петербургу, нежели Москве. И вот как раз этот буржуазно-чиновничий стиль сейчас очень ярко проявляется в Москве.

— Вы оставили свой театр на такой срок. Как у вас там сейчас обстоят дела, репетируете ли что-нибудь новое?

— Театр до сих пор на распутье. Остались артисты, которых Товстоногов собирал, как коллекцию драгоценностей, остался театр единомышленников, или, как он говорил, — террариум единомышленников (но слава Богу, в этом террариуме никто не решается кусать друг друга до сих пор, — это воспитание Товстоногова). Но, конечно, без него потерян путь. Мы надеемся, что кто-то придет и создаст новый театр. Я сейчас играю старые спектакли. Может быть, в апреле-мае начну репетировать либо в «Талантах и поклонниках», либо в спектакле по повести Достоевского «Вечный муж».

215